

Лекция 10. Литература формирующейся русской нации (XVII в.)

Особое место занимает литература XVII в., в развитии которой можно выделить два этапа: первый - с начала века до середины 60-х годов и второй – с середины 60-х годов до конца XVII - первой трети XVIII века - собственно переходный от литературы древней к литературе нового времени.

XVII век в истории России историки относят к новому периоду, который характеризуется экономическим слиянием всех земель и княжеств в одно целое и созданием всероссийского рынка. В связи с этим — усиливается роль посада—торгово-ремесленного населения городов; старинная боярская знать начинает уступать место «худородным» предприимчивым людям, добивающимся благодаря своему уму, активности высокого положения в обществе.

В XVII в. формируется новый демократический читатель и отвечающий его запросам писатель. В литературе трансформируются, демократизируются традиционные жанры исторической повести, жития. Они «обмирщаются». В них усиливается занимательность, появляется интерес к быту, частной личной жизни человека. В них появляется новый герой, вступающий в активную борьбу за свои убеждения — веру, стремящийся строить свою жизнь по своей воле, пытающийся утвердить свое право на свободу чувств.

Появляется демократическая сатира, осмеивающая существенные стороны жизни: социальное неравенство, продажность, взяточничество и крюкотворство судей, ханжество и лицемерие монахов и духовенства, государственную систему спаивания народа в «царевых кабаках».

Изменяется характер переводной литературы, ориентирующейся теперь на Запад (литературу позднего средневековья и раннего Возрождения).

Во второй половине XVII в. возникают придворный и школьный театры, виршевая поэзия, культивирующая стиль барокко, который становится характерным направлением русской придворной культуры и литературы.

Начало XVII века знаменуется бурными историческими событиями — первая Крестьянская война и борьба русского народа с интервенцией польских и шведских феодалов, появление самозванцев.

Со смертью царя Федора Иоанновича династия Ивана Калиты прекращает свое существование. Восшедший на престол Борис Годунов продолжает политику Грозного по отношению к служилому дворянству и боярству. Эта политика вызвала резкую боярскую оппозицию, получившую поддержку польских магнатов, выдвинувших своего претендента на московский престол — Лжедмитрия.

Польско-шведская интервенция подняла мощную волну национального освободительного движения. Инициативу в борьбе с иноземными захватчиками взяло на себя торгово-ремесленное население городов. Патриотическое движение возглавил нижегородский купец Минин. Демократической части русского общества удалось сплотить и объединить все силы формирующейся русской нации для борьбы с интервентами и одержать над ними победу в 1613 г. Бурные события начала XVII столетия, получившие у современников название «смуты», нашли широкое отражение в литературе. Литература приобретает исключительно злободневный публицистический характер, оперативно откликаясь на запросы времени, отражая интересы различных социальных групп, участвующих в борьбе.

Повести начала XVII в. уже не могут не говорить о народе, об его участии в борьбе за национальную независимость своей родины, об ответственности «всей земли» за свершившееся. Это в свою очередь определило повышенный интерес к человеческой личности. Впервые появляется стремление изобразить внутренние противоречия характера и вскрыть те причины, которыми эти противоречия порождены.

В XVII в. житие постепенно превращается в бытовую повесть, а затем становится автобиографией-исповедью. Изменения традиционного жанра жития ярко прослеживаются в **«Повести о Юлиании Лазаревской»**. Эта повесть является первой в древнерусской литературе биографией женщины-дворянки. Она была написана сыном Юлиании Дружиной Осорьиным,

губным старостой города Муром, в 20—30-х годах XVII в. Автору повести хорошо знакомы факты биографии героини, ему дорог ее нравственный облик, ее человеческие черты. Положительный характер русской женщины раскрывается в обыденной обстановке богатой дворянской усадьбы. На первый план выдвигаются качества образцовой хозяйки. После выхода замуж на плечи юной Юлиании ложится ведение сложного хозяйства дворянского поместья. Угождая свекру и свекрови, золовкам, она следит за работой холопов, за ведением домашнего хозяйства; при этом ей часто приходится улаживать социальные конфликты, возникающие между дворней и господами. Во время такого стихийно вспыхнувшего бунта был убит старший сын Юлиании. Повесть правдиво изображает положение замужней женщины в большой дворянской семье, ее бесправие и многочисленные обязанности.

Ведение хозяйства настолько поглощает Юлианию, что она лишена возможности посещать церковь, и, тем не менее, она «святая». Повесть утверждает святость подвига высоконравственной мирской жизни, служения людям. Юлиания помогает голодающим, ухаживает за больными во время *«мора»*, творя *«милостыню безмерну»*, она не оставляет у себя *«ни единой сребреницы»*. Это свидетельствует о том, что прежний аскетический идеал отрешения от жизни отошел в прошлое, потерял свое значение. В жизнеописании Юлиании Осорьин еще не отходит полностью от агиографической традиции, с ней связано начало повести. Юлиания происходит от *«боголюбивых»* и *«нищелюбивых»* родителей; она выросла во всяком *«благоверии»*, *«от младых ногтей бога возлюби»*. В характере Юлиании подчеркиваются черты христианской кротости, смирения и терпения, нищелюбия и щедрости (*«милостыню безмерну творя»*). Как и подобает христианским подвижникам, Юлиания, хотя и не уходит в монастырь, под старость предается аскезе: отказывается от *«плотского совокупления с мужем»*, спит на печи, подкладывая *«под ребра»* поленья и *«ключи железны»*, ходит зимой без теплой одежды.

Использует Осорьин и традиционные для агиографии мотивы религиозной фантастики: бесы хотят убить Юлианию, но вмешательство святого Николая спасет ее. В ряде случаев *«бесовские козни»* носят весьма конкретное бытовое и даже социальное очертание. Таковы раздоры в семье, мятеж *«рабов»*. Как и подобает святой, Юлиания сама предчувствует свою кончину и благочестиво умирает. Десять лет спустя обретают ее нетленное тело, которое творит чудеса.

Таким образом, в *«Повести о Юлиании Лазаревской»* тесно переплетаются элементы бытовой повести с элементами житийного жанра, но преобладающее место явно уже начинает занимать бытовое повествование. Повесть лишена традиционного для жития вступления, плача и похвалы. Стиль ее довольно прост. Он отражает канцелярскую практику муромского губного старосты. *«Повесть о Юлиании Лазаревской»* — свидетельство нарастания в обществе и литературе интереса к частной жизни человека, его поведению в быту.

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Жанры исторического повествования (историческая повесть, сказание) в XVII в. претерпевают значительные изменения. Их содержание и форма подвергаются демократизации. Исторические факты постепенно вытесняются художественным вымыслом, все большую роль в повествовании начинают играть занимательный сюжет, мотивы и образы устного народного творчества.

Процесс демократизации жанра исторической повести прослеживается на поэтической *«Повести об Азовском осадном сидении донских казаков»*. Она возникла в казачьей среде и запечатлела самоотверженный подвиг горстки смельчаков, которые не только захватили в 1637 г. турецкую крепость Азов, но и сумели отстоять ее в 1641 г. от значительно превосходивших сил врага. Будучи сам участником событий, Федор Порошин правдиво и детально описал подвиг донских казаков, используя при этом привычную для него форму казачьей войсковой отписки. Жанру деловой письменности он сумел придать яркое поэтическое звучание, что было достигнуто не столько путем усвоения лучших традиций исторической повествовательной литературы (повестей о Мамаевом побоище, *«Повести о взятии Царьграда»*), сколько широким

и творческим использованием казачьего фольклора, а также правдивым и точным описанием самих событий.

Отличительная особенность повести — ее герой. Это не выдающаяся историческая личность правителя государства, полководца, а небольшой коллектив, горстка отважных и мужественных смельчаков-казаков, свершивших героический подвиг не ради личной славы, не из корысти, а во имя своей родины — Московского государства, Высокое чувство национального самосознания, чувство патриотизма вдохновляет их на подвиг. Основную массу казачества составляют бывшие холопы, бежавшие от своих владельцев на вольный Дон. И хотя их на *«Руси не почитают и за пса смердящего»*, казаки любят свою родину и не могут изменить ей. С ядовитой иронией отвечают они турецким послам, предложившим им сдать крепость без боя и перейти на службу к султану.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века

Новый этап развития древнерусской литературы начинается после церковной реформы Никона в 1653 г. и исторического воссоединения Украины с Россией в 1654 г. Следствием интенсивного сближения России со странами Западной Европы явилось проникновение в древнерусскую культуру многочисленных элементов культуры европейской.

Начинается процесс дифференциации художественной литературы, ее вычленения из письменности исторической и религиозно-дидактической. Постепенно прекращают свое существование летописи, сохраняясь только на периферии («Сибирские летописи»), видоизменяются до неузнаваемости исторические повести, житие становится бытовой повестью и автобиографией. Появляются бытовые повести с вымышленными сюжетами и героями, развивается демократическая сатира; возникают драма и театр, широкое развитие получает силлабическая поэзия; меняется характер переводной литературы.

Процесс пробуждения сознания личности находит отражение в появившемся во второй половине XVII в. новом жанре — бытовой повести. Его появление связано с новым типом героя, заявившего о себе как в жизни, так и в литературе.

Одним из выдающихся произведений литературы второй половины XVII в. является **«Повесть о Горе и Злочастии»**. Центральная тема повести — тема трагической судьбы молодого поколения, старающегося порвать со старыми формами семейно-бытового уклада, домостроевской моралью.

Вступление к повести придает этой теме общечеловеческое обобщенное звучание. Библейский сюжет о грехопадении Адама и Евы трактуется здесь как непокорность, неповиновение первых людей воле создавшего их Бога. Источник этого неповиновения — не дьявол-искуситель, как толковала Библия, а сам человек, его сердце *«несмысленное и неуимчивое»*. Такая трактовка библейского сюжета говорит о новом миропонимании, сложившемся у автора: причина преступления человеком заповеди смирения, покорности — в нем самом, в его характере, а не результат воздействия потусторонних сил.

Основу сюжета повести составляет трагическая история жизни Молодца, отвергнувшего родительские наставления и пожелавшего жить по своей воле, *«как ему любо»*. Появление обобщенно-собрательного образа представителя молодого поколения своего времени было явлением весьма примечательным и новаторским. В литературу на смену исторической личности приходит вымышленный герой, в характере которого типизированы черты целого поколения переходной эпохи.

Молодец вырос в патриархальной купеческой семье, окруженный неусыпными заботами и попечением любящих родителей. Однако он рвется на свободу из-под родного крова, жаждет жить по своей воле, а не по родительским наставлениям. Постоянная опека родителей не научила Молодца разбираться в людях, понимать жизнь, и он платится за свою доверчивость, за слепую веру в святость уз дружбы. Губит его «царев кабак». Но Молодец не сдаётся, он не несёт свою повинную голову в родительский дом, он хочет доказать свою правоту, отправляясь во *«чужу страну, дальну, незнаему»*. Личный опыт убедил его, что без совета *«добрых людей»* жить нельзя. И смиренно выслушав их наставления, Молодец *«учал... жити умеючи»*: *«...от*

великого разума наживал он живота большы старова. Причиной дальнейших злоключений героя является его характер.

Губит Молодца похвальба своим счастьем и богатством. С этого момента в повести появляется образ Горя, которое, как и в народных песнях, олицетворяет трагическую участь, судьбу, долю человека. Этот образ раскрывает также внутреннюю раздвоенность, смятенность души героя, его неуверенность в своих силах. В советах, которые дает Молодцу Горе, легко обнаружить тягостные раздумья самого героя над жизнью, над неустойчивостью своего материального благополучия. Повесть подчеркивает, что причиной разорения Молодца становится *«царев кабак»*, где герой оставляет *«свои животы»* и меняет *«платье гостиное»* на *«гуньку кабацкую»*. Так *«гостиный сын»* превращается в бездомного бродягу, пополняя многочисленную армию *«гулящих людей»*, странствующих по градам и весям Руси. Ярко рисуются картины *«наготы и босоты безмерной»*, в которых звучат мотивы протеста неимущего класса против социальной несправедливости, против злой доли. В правдивом изображении процесса образования деклассированных элементов общества — большое социальное значение повести.

«Добрые люди» сочувствуют участи Молодца, советуют ему вернуться под родительский кров и попросить прощения. Однако теперь уже Горе не желает отпускать свою жертву. Оно упорно и неотступно преследует Молодца, издеваясь над всеми его попытками убежать от своей *«злочастной доли»*. Идя с Молодцом *«под руку»*, Горе *«научает»* его *«богато жить — убить и ограбить»*. Это и заставляет Молодца вспомнить *«спасенный путь»* и уйти в монастырь. Для героя и автора повести монастырь является отнюдь не идеалом праведной жизни, а последней возможностью спастись от своей злочастной доли. В повести резко противопоставлены два типа отношения к жизни, два миропонимания: с одной стороны, родителей и *«добрых людей»* — большинства, стоящего на страже *«домостроевской»* общественной и семейной морали; с другой стороны, — Молодца, воплощающего стремление нового поколения к свободной жизни.

«Повесть о Фроле Скобееве». Если герои повестей о Горе и Злочастии в свое стремлении выйти за пределы традиционных норм морали, бытовых отношений терпят поражение, то бедный дворянин Фрол Скобеев, герой одноименной повести, уже беззастенчиво попирает этические нормы, добиваясь личного успеха в жизни: материального благополучия и прочного общественного положения.

Худородный дворянин, вынужденный добывать средства к существованию частной канцелярской практикой *«ябедника»* (ходатая по делам), Фролка Скобеев делает девизом своей жизни *«фортуну и карьеру»*. *«Или буду полковник, или покойник!»* — заявляет он. Ради осуществления этой цели Скобеев не брезгует ничем. Он неразборчив в средствах и пускает в ход подкуп, обман, шантаж. Для него не существует ничего святого, кроме веры в силу денег. Он покупает совесть мамки, соблазняет дочь богатого стольника Нардина-Нащокина Аннушку, затем похищает ее, разумеется согласия Аннушки, и вступает с ней в брак. Хитростью и обманом супруги добиваются родительского благословения, потом полного прощения и отпущения своей вины. Отец Аннушки, спесивый и чванливый знатный стольник, в конце концов вынужден признать своим зятем *«вора, плута»* и *«ябедника»* Фролку Скобеева, сесть с ним за один стол обедать и *«учинить»* своими наследником.

Повесть является типичной плутовской новеллой. Добиваясь поставленной цели, Фрол Скобеев не надеется ни на бога, ни на дьявола, а только на свою энергию, ум и житейский практицизм. Религиозные мотивы занимают в повести довольно скромное место. Поступки человека определяются не волею божества, беса, а его личными качествами и сообразуются с теми обстоятельствами, в которых этот человек действует.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Повести о начале Москвы. Во второй половине XVII в. историческая повесть постепенно утрачивает историзм, приобретая характер любовно-приключенческой новеллы, которая служит затем основой для развития авантюрно-приключенческого любовного романа.

Главное внимание переносится на личную жизнь человека, возникает интерес к морально-этическим, бытовым вопросам.

Повесть становится одним из ведущих литературных жанров XVII в.; она развивается, обогащаясь новыми разновидностями; эволюционируют ее традиционные формы. Среди произведений этого жанра, имеющих необычайно широкий проблемно-тематический диапазон, можно выделить повесть *агиографическую* и *сатирическую*, *историческую* и *легендарную*, *воинскую* и *бытовую*. В недрах жанра идет становление *русского романа*, устанавливаются *новые отношения между историческим и вымышленным*. Исторические по именам повести расцветаются вымышленными сюжетными ходами; факты русской истории соединяются с мотивами сказок и легенд (циклы повестей о начале Москвы, об убиении царевича Димитрия). Вымышленные герои действуют в типичных для русского общества XVII в. ситуациях; рассказ об их любовных похождениях и странствованиях по Руси в поисках смысла жизни сопровождается колоритными бытописательными сценами. В русской повести позднего Средневековья *бытийное и бытовое образуют единый сплав*, что говорит о сближении литературы с жизнью.

Свою нишу в литературе заняли и **книги нравственного содержания**. Большое распространение получило «Жития Святых». Так же очень популярна была автобиография идеолога старообрядчества Аввакума – «**Житие протопопа Аввакума**».

Постепенная утрата церковью былого авторитета в общественной и личной жизни, падение нравственности среди служителей культа вызвали тревогу правящих верхов. В связи с этим в 40-е годы XVII в. встал вопрос о проведении церковной реформы. Митрополит новгородский Никон, став патриархом, провел церковную реформу. В соответствии с обрядами греческой церкви предписывал заменить земные поклоны поясными, а двоеперстное крестное знамение троеперстным. Таким образом, реформа была сведена к внешней обрядовой стороне, хотя и ставила своей целью укрепление церковной феодальной организации. По существу, реформа знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти, поэтому ее активно поддерживало правительство Алексея Михайловича. Когда же Никон попытался противопоставить власть патриарха власти царя, выдвинув доктрину - "священство выше царства", он был низведен с патриаршего престола, осужден и выслан в 1666 г. в Ферапонтов монастырь. Реформа вызвала появление мощного антифеодального, антиправительственного движения - раскола, или старообрядчества.

Однако общим идеалом старообрядцев была уходившая в прошлое жизнь с ее устоявшимися формами бытового и религиозного уклада. Они выступали активными борцами против всего нового и постепенно превращались в оплот реакции (конец XVII -начало XVIII в.), старавшейся повернуть колесо истории вспять и воспрепятствовать европеизации жизни России.

Противоречивая сущность раскола сказалась на деятельности идеолога старообрядчества протопопа Аввакума - талантливейшего писателя второй половины XVII в.

Аввакум (1621-1682). Перу "огнепального" протопопа принадлежит около 80 сочинений, из них 64 написаны в условиях последнего, пятнадцатилетнего заточения в земляном срубе Пустозерска на берегу Ледовитого океана, "месте тундряном, студеном и безлесном". Сам Аввакум так описывает тюрьму, где он сидел вместе со своими единомышленниками попом Лазарем, старцем Епифанием и дьяконом Федором: "Осыпали нас землю: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками".

Из этой земляной тюрьмы, огороженной "тыном вострым", Аввакум руководит борьбой единомышленников, рассылая свои "беседы", "послания" по всем городам Руси, учит и "одобряет детей духовных", обличает врагов, призывает стойко бороться за "древнее благочестие".

Никакие пытки и истязания, ссылки, гонения, уговоры царя и бояр, обещания земных благ за отказ от своих убеждений не могли заставить Аввакума прекратить борьбу против "блудни еретической" - Никоновой реформы.

"Житие протопопа Аввакума им самим написанное". Аввакум так определяет рамки своего повествования: "...предлагаю житие свое от юности до лет пятидесят пяти годов". Он отбирает лишь самые важные, самые главные вехи своей биографии: рождение в семье сельского священника-пьяниц, первые испытания во время пребывания в Лопатицах и Юрьевце-Повольском; начало борьбы с Никоном и ссылка в Тобольск, пребывание в Москве и подмосковных монастырских темницах и, наконец, лишение сана и последняя ссылка в Пустозерск. На страницах жития во весь свой гигантский рост встает образ незаурядного русского человека, необычайно стойкого, мужественного и бескомпромиссного. Характер Аввакума раскрывается в житии как в семейно-бытовом плане, так и в плане его общественных связей.

Суров и непримирим Аввакум к своим идейным противникам - Никону и его приверженцам. Используя иронию и гротеск, он создает их яркие сатирические образы.

Наиболее значителен в житии образ спутницы жизни Аввакума, его жены Анастасии Марковны. Безропотно идет она вместе с мужем в далекую сибирскую ссылку: рождает и хоронит по дороге детей, спасает их во время бури, за четыре мешка ржи во время голода отдает свое единственное сокровище - московскую однорядку (верхнюю одежду из шерстяной ткани), а затем копает коренья, толчет сосновую кору, подбирает недоеденные волками объедки, спасая детей от голодной смерти; Марковна помогает мужу морально переносить все невзгоды, которые обрушивает на него жизнь.

Тесное переплетение личного и общественного превращает житие из автобиографического повествования в широкую картину социальной и общественно-политической жизни своего времени. Житие вбирает в себя и этнографические описания далекого сибирского края, его рек, флоры и фауны.

Религиозная традиционная фантастика под пером Аввакума приобретает реальные бытовые очертания. Вот, например, "чудо, которое происходит в темнице Андрониева монастыря: три дня сидит здесь в темнице на цепи томимый голодом Аввакум, и перед ним предстает то ли ангел, то ли человек, и дает ему похлебать щей - "зело привкусны, хороши!" И еще "чудо": Бог помогает Аввакуму наловить много рыбы там, где ее никто не лавливал и т. п. Таким образом, все "чудеса", описываемые Аввакумом, не выходят за пределы реального бытового плана.

Новаторство жития Аввакума особенно ярко обнаруживается в его языке и стиле. Он пишет "русским природным языком", о своей любви к которому заявляет во вступлении.